

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Инны Ивановны Лисович
«Научные дискурсы в культуре Англии раннего Нового
времени», представленную на соискание ученой степени
доктора культурологии по специальности
24.00.01 – Теория и история культуры

В настоящее время проблема культурного статуса науки и ее роли в интеграции культурного поля является исключительно актуальной. Современная европейская культура испытывает жесткие потрясения, налицо кризис ее оснований, все чаще говорят об истощенности ее ресурсов и наступлении посткультурного фазиса в истории Европы. Особую роль в этом процессе играет наука. Составляя стержень современной культуры, она в то же время все больше обособляется от иных составных частей последней. Это сказывается на состоянии культуры в целом, ее целостность разрушается внутренними противоречиями.

Стремление проанализировать этот процесс требует возврата к его истокам, чтобы понять причины, приведшие к современному состоянию. Существенно, что на события прошедших веков развития европейской науки, мы смотрим ретроспективно, с позиции современности. Понимание прошлого должно позволить понять происходящее сегодня и предвидеть будущее, но в то же время понимание прошлого необходимо нагружено переживанием и осмыслением настоящего. Исследование, которое посвящено этой теме, необходимо становится междисциплинарным, синтезируя в себе исторический, культурологический и философский дискурсы.

Именно таким является диссертационное исследование И. И. Лисович, актуальность которого несомненна – в свете вышесказанного. В своем отзыве я представлю взгляд философа на проделанную ею работу, хотя надо признать, что разделить философские, историко-научные и историко-культурные аспекты исследования в ней трудно, если вообще возможно, ибо они спаяны в целостность, что придает докторской диссертации характер увлекательного, поучительного и возбуждающего рефлексии повествования.

И. И. Лисович погружает читателя в культурную атмосферу Англии XVI–XVII вв., в которой происходило возникновение современной науки. Она характеризуется стремлением науки выйти за рамки цеховой замкнутости, преодолеть социальную изоляцию, рассеять настороженное и недоверчивое отношение к себе со стороны общества. Это становится определенной стратегией: научные идеи и практики ориентируются на публичность и открытость, мысль об их полезности активно внедряется в общественное сознание. Свидетельством восприятия этих идей и практик последним становится проникновение научной терминологии в обыденный язык, передача их содержания в произведениях искусства. Так организуется своеобразный диалог науки и культуры. Важным фактором развития науки становятся научно-образовательные учреждения (медиаторы между *universitas* и *societas*, в терминологии Р. Рорти), патронируемые властью, через которые диалог общества с наукой интенсифицируется и приобретает новые формы. Характерной особенностью диалога является то, что в нем, наряду с наукой, принимают участие теология, этика, риторика, поэтика и драматургия, живопись и графика; они вбирают в себя научные идеи и язык, а наука, в свою очередь, встраивает в себя эмблемы, риторику и язык поэзии.

Тем самым размыкаются границы научного дискурса, и преодолевается корпоративная закрытость научного знания. Автор опирается на понятие научного дискурса в интерпретации М. Фуко, но без его превалирующего

акцента на процедурах всеохватного проникновения власти. С точки зрения автора, научный дискурс принципиально открыт, благодаря чему возникает возможность его вариативного развития как в научной среде, так и в обыденной. Это означает, что к критике самого дискурса, его рефлексии и селекции имеют доступ не только ученые, но и другие реципиенты научного знания. Это создает ситуацию культурного плюрализма, в которой, однако, происходит отбор доминирующих дискурсов, их взаимное влияние друг на друга. Этот процесс зависит от выбора коммуникативных стратегий: с одной стороны, это стратегии ученых, стремящихся к открытости и доступности научного знания, с другой стороны, – это встречные движения различных культурных форм, испытывающих воздействие науки.

К этому, на мой взгляд, следует сделать замечание. В каком смысле следует понимать «принципиальность» открытости научного дискурса? Очевидно, что смысл «открытости» исторически переменчив. На начальных стадиях становления новой науки он совсем не тот, что в наше время. Но, я думаю, диагноз о том, что в наши дни с открытостью этого дискурса уже совсем покончено, был бы преждевременным.

Анализ названного выше процесса – в центре внимания диссертантки. Она исследует влияние, оказываемое наукой на поэзию, живопись и графику, с одной стороны, и обратное воздействие культурных форм на науку, с другой, следствием чего оказывается возникновение альтернативных научных практик (витализм, герметизм, алхимия, теология и др.). Это исследование предполагает определенную реконструкцию процесса (с позиций современности) и вместе с тем дает возможность понимания современных процессов взаимодействия науки с культурой.

Выдвинута гипотеза, согласно которой в Англии раннего Нового времени научные и художественные дискурсы отчасти совпадают, причем именно искусство

оказывается в роли социального, культурного и политического медиатора, оказывая влияние на восприятие научного знания обществом, во многом даже определяя степень доверия к науке. Но это стало возможным благодаря тому, что само искусство сделало шаг навстречу науке, впитывая в себя ее проблемы и идеи. Так образовалось единое когнитивно-образное поле, в котором тенденция к его единству до времени оказывалась более заметной и сильной, чем тенденция к обособлению науки.

Выясняя причину такого совпадения, диссертантка отмечает роль неоплатонизма как одного из наиболее влиятельных и распространенных в исследуемый период мировоззренческих учений. Этому посвящена 1-я глава диссертации. Отмечу, что термин «неоплатонизм» здесь означает не античную философию Плотина, Порфирия или Ямвлиха, а, скорее, интерпретацию учения Платона в условиях Англии XVI века. Это, прежде всего, идея математической гармонии Космоса и учение о человеке как о посреднике между божественным и чувственно-вещным мирами. Данное учение стало мировоззренческой основой для понимания целей и сущности математического знания, ставшего образцом и идеалом не только для науки, но и для искусства. Последнее особенно важно для понимания того, что внесли в теорию и практику искусства А. Дюрер и А. Везалий. В науке «неоплатонизм» становится аргументом против аристотелианского разделения небесных (надлунных) и земных движений. Идея гармонического единства мира, которой следовал Галилей, нашла высшее воплощение в механике Ньютона. Однако в ньютонианской науке эта идея очищается от метафизической оболочки, которой нет места в рамках собственно научного знания, строящегося на базе эксперимента и математического моделирования.

Это оказало влияние на формирование всех иных, помимо научного, культурных дискурсов. Идеалы точности, аналитизма проникают в них, увлекают на путь освобождения от иных (политических, социальных, идеологических и эстетических) влияний. Постепенно попытки связать научное миропонимание с художественным и политическим мироощущением (XVI-XVII вв.) сменяются

разграничением стилей, которыми характеризуется научный и риторический или поэтический дискурсы (что ярко выразилось в классицизме). Но и будучи разделенными, научные и иные культурные дискурсы продолжают взаимодействовать: так, поэзия XVII-XVIII вв. в Англии, с одной стороны, развивает традицию популяризации научных идей, с другой же, сама впитывает в себя эти идеи, придавая им поэтическую форму и эмоциональную окраску.

Диссертантка верно подмечает двойственность и даже противоречивость этого процесса. С одной стороны, он приводит к единству смыслового поля и даже смешению научного и поэтического дискурсов, переосмыслению таких способностей человека как память и воображение. С другой, – мешает формированию собственного коммуникативного пространства науки. Это противоречие оказывается «движущим» и «снимается» в гегелевском смысле: в своих наиболее совершенных формах образцы культурных практик синтезируют достоинства научных и вненаучных дискурсов. Воображение в искусстве многое заимствует у естественнонаучного конструирования, а новые технологии и развитие научных изданий позволяет придать концепту «память» новое содержание (от платоновского «знания-припоминания» к современному «знанию-информации», хранимому и транслируемому с помощью технически оснащенных информационных систем).

Особое место в дискурсивном поле раннего Нового времени занимает вопрос о пользе науки. Она была далеко не очевидна для современников. Начиная с апелляций к теологическим аргументам (спасительность истины, знание как основа морального блага и др.), ученые постепенно смещают акценты к утилитарной аргументации: знание как основа полезности самих научных корпораций, знание как путь к нравственному совершенству человека и общества. Здесь также сказались мотивы неоплатонизма: знание гармонии природы – путь к знанию о гармонии в человеческом мире.

Важнейшим фактором социализации науки стало формирование официальных научных сообществ. Вторая глава диссертации посвящена процессу, в котором эти сообщества были ассимилированы культурой Англии раннего Нового времени. Через такие институты как Грэшем-колледж, наука транслировала в культуру представления об общественной пользе научного знания. Это были точки срачивания науки, обретавшей «внутреннюю социальность», и общества, в жизни которого наука становилась «нормальным», постепенно – даже обыденным явлением. Эти институты способствовали распространению интереса к науке среди публики (например, демонстрацией опытов, производивших впечатление развлекательных шоу, но несших в себе и заряд подлинной любознательности).

Культура ответила на социализацию науки созданием типизированных образов ученого и научных институтов – прежде всего в живописи, иконографии. Изучая этот процесс, можно проследить изменения отношений к науке и ученым, а также специфику Англии по отношению к другим европейским странам. Автор подчеркивает, что в это время в Англии складывается двуединый тип отношений между сообществами ученых и властью, который характеризуется патронированием со стороны власти и стремлением к самоуправлению со стороны науки. В художественных образах это отношение получило ясное выражение еще до того, как само оно было зафиксировано в соответствующих документах. Так искусство зафиксировало становление определенных идеалов общественного устройства, в которых свое место получила и наука.

Великие успехи науки вызвали к жизни образ гениального ученого, открывающего глубочайшие тайны мироздания, делающего явными замыслы Творца. В наибольшей степени этому образу соответствовал И. Ньютон. Но образ гения в это время утрачивает мистические черты, какими античность (Платон) наделяла медиатора между божественным и земным, трансцендентным и имманентным. Гений все больше связывался с самоотверженным трудом во имя истины, подвижничеством, высокой духовной мотивацией, направляемой на пользу общества и государства. Так

складывается этический идеал науки, успешно встраиваемый в моральную систему английского общества.

Становление социальных и культурных взаимосвязей между наукой и обществом потребовало стабильных и надежных механизмов трансляции научных знаний и методов помимо социальной памяти, содержащей печатные тексты. Формируется традиция ученичества, в которой отношение между мастером-учителем и неопитом-учеником включает в себя не только обучение знаниям и секретам индивидуального исследовательского мастерства, но и принципам поведения, фиксирующим передачу от поколения к поколению кодекса чести и достоинства. Наука становится не только профессией, но и образом жизни. Это делает контекст ее взаимоотношений с культурой источником высших ценностей. Отсюда – представление о науке как о призвании и судьбе «посвященных», следующих высоким моральным началам. В диссертации исследуются многочисленные примеры того, как этот процесс углубляется и расширяется с участием поэзии и других искусств. Так складывается культурная универсалия: обучение и связанные с ним отношения мыслятся как абсолютно необходимое условие материального и духовного здоровья и процветания общества.

В третьей главе диссертантка рассматривает конкретные примеры рецепции различных философско-мировоззренческих идей в творчестве Ф. Сидни, Дж. Донна, У. Шекспира и Б. Джонсона. Она связана с тем, что в поэзии естественнонаучный дискурс сплавляется с неоплатоническим и религиозным, что придает ему неповторимую специфику и неувядающую привлекательность. Поэзия, не связанная ограничениями, которые накладывала на себя наука, стремившаяся к автономности и суверенности своего дискурсивно-коммуникативного поля, а потому исключавшего из него все то, что выходит за границы фактов и условий экспериментов, стремилась к воссозданию и сохранению единства когнитивно-духовной сферы. Поэтому она совершала невозможное (с точки зрения науки) – соединяла метафизику и физику,

интерпретируя их так, чтобы в итоге получить историю духовного возвышения личности, прочертить ее путь к спасению души.

Примером может служить сближение образов познания и меланхолии в творчестве Филипа Сидни и Джона Донна. Меланхолия – состояние человека, переживающего безосновность своего бытия, несовпадение высших устремлений с реальностью. Это состояние мучительно, и человек ищет выход из него. Этот поиск труден и на его пути человека ждут разочарования. Но нужны душевные и физические усилия, чтобы обрести спокойствие и удовлетворение. Это роднит любовь к женщине и любовь к истине. Меланхолия любви и меланхолия познания подвигают душу к прозрениям, когда ценность святости и добродетели сближаются с ценностью истины. Поэтические шедевры английских поэтов как в тигле сплавляют ценностные ориентации науки и любви.

Другое символическое сближение – любви и солнечного света. На создание этой символики оказала влияние коперниканско-бруновская гелиоцентрическая космология. Описание возлюбленной в сонетах Ф. Сидни сродни описаниям звездной природы, к которой устремлена божественная сущность души поэта. «Таким образом, Сидни разделяет воззрения неоплатоников на человека как медиатора и высший титул в этом отношении отдает поэту, обладающему воображением и музыкальной гармонией: он способен не просто подражать природе, как это доступно другим искусствам, но приблизиться к Идее, изобразить предмет таким, каким он должен быть» (с. 312). Любовная лирика, насыщенная метафорами, ведущими начало от платонической гармонии и новой астрономии, становится иносказанием о бесконечной жажде познания, о прекрасном и вместе с тем мучительном восхождении от незнания и сомнений к свету божественной любви.

Воображение и чувство в поэзии проникнуты рациональностью. Здесь конструктивный разум выступает проводником живой и страстной души, ее хранителем на пути к высшим ступеням совершенства. Мысль в поэзии приобретает

чувственные качества, а высшие абстракции (например, геометрические) возвышают чувства, очищают их от наносного, несущественного. Так наука входит во внутренний мир человека, ее ключевые понятия (форма, движение, закон природы) становятся опорами этого мира.

Таковыми являются, например, понятия, образующие гелиоцентрическую картину мироздания, получающие в поэзии Донна теологическую и нравственную интерпретацию. Смещение Солнца из коперниканского центра Вселенной в один из эллиптических фокусов в «Новой астрономии» Кеплера, Донн толкует как следствие греховной искаженности мира, которую искупляет Христос, истинный центр и перводвигатель Вселенной.

Натурфилософские идеи У. Гилберта получают своеобразную интерпретацию в поэзии Бена Джонсона, который уподобляет притягательную силу денег и власти магнетизму. Существующий социально-экономический порядок предстает в его комедии «Магнетическая Леди» как необходимый, хотя и комичный в поэтическом ракурсе, порядок самой природы, а осознание этого порядка – как высшее достижение ума и чувства. Хотя не обузданное разумом чувство пытается выскользнуть из этого порядка, ему, в конечном счете, приходится подчиниться, как любым вещам природы приходится подчиняться законам мироздания.

Законосообразно и строение живых тел. Руководствуясь этой идеей У. Харви (Гарвей), идет к открытию внутреннего круга кровообращения. В этом уподоблении тела человека механической системе заключена идея единства Вселенной, над которой властвует Закон, представляющий Высшее Благо. Открывается и обратная перспектива: уподобить Вселенную живому организму, в котором осуществляется иерархия функций – от высших к низшим. Впоследствии сходные идеи станут развивать Лоренц Окен, находившийся под влиянием натурфилософии Шеллинга. Об этом, на мой взгляд, следовало бы упомянуть в диссертации как о свидетельстве того,

что идеи, развитые в культуре ранней Новой Англии, имели вторую жизнь уже в иных условиях более поздней европейской культуры.

Диссертантка точно подмечает противоречивость этической перспективы исследований живых организмов, уподобляемых механическим системам. Например, проблема вивисекции оказалась сложным испытанием для новой науки, поскольку ее механистическое решение влекло за собой усиление настороженности по отношению к науке и ее методам. Этическое обоснование вивисекции должно было поставить во главу угла оправдание страданий одних живых существ во имя спасения других, но это было связано с другой, не менее сложной проблемой: измеримо ли страдание при помощи математических выкладок и эталонных мер?

Эта проблематика нашла выражение у Дж. Донна («Первая годовщина. Анатомия мира»), который представил ее в обобщенном поэтико-метафизическом ракурсе. Живой организм мира подвержен заболеваниям и разрушениям, которые нельзя излечить или предотвратить, не прибегая к анатомии, т.е. к вивисекции. Кто и по какому праву способен на это? Страдание, причиняемое вивисектором, оправдано и искуплено страданиями Христа. Моральный долг перед человечеством оправдывает зло, причиняемое отдельным особям живых тварей. В конечном счете, путь к моральному очищению мира пролегает через накопление и использование знаний о нем. Заметим, что ценность самого знания при этом не ставится под сомнение, драматические коллизии возникают только при обсуждении путей его получения.

В «Заключении» диссертантка подводит итоги своего исследования, среди которых есть и такие, которые имеют несомненное философское значение. Прежде всего, она обращает внимание на роль ренессансного неоплатонизма в культуре ранней Новой Англии, который в столкновении со схоластикой обладал тем преимуществом, что вызывал к жизни процесс сращивания науки и искусства, науки и политики, науки и всей совокупности когнитивных практик. Он способствовал развитию представлений о мире как о живом и прекрасном организме, в котором

осуществлена иерархическая связь всех его частей, связь гармоническая, а значит, доступная рациональному познанию. Рациональность эта – живая, не высушенная схоластической методологией, сливающаяся в синкретическую целостность с другими культурными силами и движениями. Это открывало возможность рассмотрения социальных конфликтов, дисгармонии, неразрешимых противоречий как искажений мирового порядка, как отступлений реальности от ее идеального образца. Это определяло и стратегию науки: гармонизируя самое себя, ставить своей целью гармонизацию социального мира. Наука в это время еще мыслит себя как некую спасительную силу, на которой лежит ответственность за судьбы человечества. Это «мессианство» научного самосознания – исторически и культурно обусловленное ее состояние, которое в последующие столетия ослабевает и практически сходит на нет, что вновь обостряет проблемы взаимоотношений между наукой и обществом, наукой и властью, наукой и культурой.

Оценивая философско-культурологическую сторону диссертации, хочу сказать, что она выражена в ней убедительно и органично. Можно считать, что гипотеза о частичном совпадении научного и вненаучного (в особенности, художественного) дискурсов в культуре ранней Новой Англии оказалась плодотворной. Конечно, она может быть уточнена: речь должна идти о взаимной адаптации этих дискурсов, каждый из которых выступает в роли интерпретатора другого. И если по отношению к искусству это можно считать почти очевидным, то в каком смысле научный дискурс приспособливается к художественному, и что можно считать научным переосмыслением теологических или метафизических, идеологических или политических концептов, это вопрос, который ждет дальнейшего исследования.

В любом случае идея взаимодействия различных культурных дискурсов, меняющего и развивающего эти дискурсы, обладает большой эвристической потенцией. К моему удовольствию, диссертантка не поддалась чарам концепции М. Фуко (а также Ф. Ницше) о развитии научного дискурса как частного случая дискурса власти. Это дало возможность более широкого рассмотрения этой проблемы, придав

ей характер стержня, на котором укрепляется сложная полидисциплинарная стратегия исследования. Можно говорить о фактическом использовании в этом исследовании идеи дополнительности культурных дискурсов (в смысле, близком тому, который сообщил этой идее Н. Бор). Суть ее в том, что описание каждого из основных культурных дискурсов необходимо связано с использованием иных описаний, и всякий раз, когда исследователь сталкивается с этим, он обнаруживает их взаимную смысловую сопряженность. Я не ставлю диссертантке в упрек то, что она не артикулировала эту возможность, поскольку она использовала другой методологический арсенал. Но могу высказать это замечание как совет, возможно, применимый в ее дальнейших исследованиях.

Я намеренно не касаюсь вопросов адекватности исторических и историко-культурных реконструкций, предложенных в диссертации, оставляя их другим оппонентам, специалистам в этих областях. Меня в основном интересовали те моменты диссертации, которые указывают на возможности комплексного, междисциплинарного подхода к этим реконструкциям культуры с необходимым участием философии культуры, философии науки, а также, разумеется, истории философии. Возможно, в этом отношении были бы уместны некоторые замечания относительно трактовки различных концепций современных философов науки (Т. Куна, П. Фейерабенда, К. Поппера и др.). Но я воздержусь от них, сознавая, что спор, который они могли бы вызвать, прямого отношения к содержанию диссертации не имеет.

Мне чрезвычайно импонирует мысль диссертантки о том, что современная наука и современная культура испытывают тягу к восстановлению «утраченного единства». Это действительно одна из больных проблем наших дней. К сожалению, она слишком далека сегодня от позитивного решения. Возможно, исторический взгляд на нее окажет положительное воздействие на ход размышлений в этой сфере.

Особо отмечу, что диссертация написана ясным и ярким языком. Ее ни в коем случае нельзя назвать скучной и педантичной систематизацией известных историкам и культурологам фактов. Это творческое исследование, значение которого я усматриваю еще и в том, что оно дает хороший образец того, как о вещах сложных и даже туманных можно говорить ясно и увлеченно. Без сомнения, это открывает возможность того, что результаты диссертационного исследования могут быть использованы в различных образовательных курсах высшей школы – по истории культуры и науки, по философии науки, возможно, и по сравнительной филологии.

Отмечу также новационный характер диссертационного исследования. Впервые в отечественной литературе последних десятилетий появилась работа, в которой принципы междисциплинарности и комплексного подхода к историко-культурной и историко-научной проблематике реализованы с такой полнотой, а не просто провозглашены, как это нередко бывает. Научная новизна выводов диссертантки у меня не вызывает сомнений.

По теме диссертации опубликовано достаточное количество научных работ в ведущих журналах и издательствах, особо отмечу впечатляющую монографию «Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени» (Москва, «Издательский дом Высшей школы экономики», 2015, - 440 с.). Налицо высокий уровень апробации результатов диссертации. Автореферат и научные публикации полностью отражают основные выводы и теоретические тезисы диссертации.

Диссертация Инны Ивановны Лисович «Научные дискурсы в культуре Англии раннего Нового времени» полностью соответствует критериям и требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» (пункты 9, 10, 11, 12, 13, 14), утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором

исследований разработаны теоретические положения, которые можно квалифицировать как крупное научное достижение в области теории и истории культуры. Автор диссертации Инна Ивановна Лисович заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

18.01.2016

Доктор философских наук, ординарный профессор,
почетный работник науки и техники РФ,
руководитель школы философии факультета гуманитарных наук
ГАОУ ВПО Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Владимир Натанович Порус

Адрес: 101000, г. Москва
ул. Мясницкая, д. 20;
тел.: +7 (495) 772-95-90;
E-mail: vporus@rambler.ru ,
vnporus@hse.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛА
ЗАМ, НАЧ, ОТДЕЛА ПО
РАБОТЕ С ННР
ТИХОНОВА Е.Р.

18.01.2016

